

ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ, ПРОЕКТНЫХ И
ТВОРЧЕСКИХ РАБОТ ОБУЧАЮЩИХСЯ

«ОБРЕТЁННОЕ ПОКОЛЕНИЕ»

Направление: Теория и история права и государства

Тема: «Правовое воспитание как фактор укрепления обороноспособности Отечества»

Соискатель: Курсант 3 курса факультета (командного) Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации *Колесников Владимир Александрович*

Научный руководитель: Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин научно-исследовательского центра, кандидат юридических наук, доцент *Назарова Ирина Сергеевна*

Место выполнения работы: ВА ВНГ РФ, г. Санкт-Петербург

Аннотация

Данная научно-исследовательская работа посвящена комплексному анализу роли правового воспитания как стратегического фактора обеспечения обороноспособности Российской Федерации в условиях современных гибридных угроз. В исследовании обосновывается, что эффективное противодействие информационно-психологическим атакам, киберугрозам и попыткам искажения исторической памяти невозможно без формирования у граждан «суверенного правосознания». Автором выявлено ключевое противоречие между существующей нормативно-правовой базой, ориентированной на силовые методы защиты, и необходимостью вовлечения общества в активную оборону страны. На основе критического анализа действующих моделей правового воспитания разработаны практические рекомендации по их совершенствованию. Предложена трехуровневая система мер (концептуальных, нормативных и технологических), включающая обновление образовательных стандартов, формирование государственной медиаполитики и использование цифровых платформ для консолидации общества как активного субъекта национальной безопасности.

Содержание

Глава 1. Современные вызовы обороноспособности и их государственно-правовое измерение	6
1.1 Суверенитет как основополагающая категория в контексте национальной безопасности: теоретический аспект	6
1.2. Система гибридных угроз: от информационного противоборства и киберугроз до искажения исторической памяти	7
1.3. Правовые пробелы и коллизии в системе обеспечения обороноспособности: анализ нормативно-правовой базы	8
Глава 2. Правовое воспитание в системе обеспечения обороноспособности: теория, практика, дефициты	11
2.1. Правовое воспитание и правосознание: понятие, структура, функции в современном государстве	11
2.2. Суверенное правосознание как цель воспитания: содержание и роль в противодействии деструктивным воздействиям	12
2.3. Критический анализ действующих моделей и практик правового воспитания в РФ: институты, содержание, результативность	14
Глава 3. Направления совершенствования правового воспитания для укрепления обороноспособности	16
3.1. Концептуальные основы: интеграция целей оборонного строительства и задач правового воспитания в государственной политике	16
3.2. Совершенствование нормативно-правового и организационного обеспечения системы правового воспитания	17
3.3. Практические механизмы и инструменты: от образовательных стандартов и медиаполитики до цифровых платформ и гражданско-патриотических проектов	19
Заключение	21
Список использованных источников	23

Введение

Современная эпоха бросает беспрецедентные вызовы традиционным представлениям о национальной безопасности. Если на протяжении столетий обороноспособность страны ассоциировалась преимущественно с военной мощью, экономическим потенциалом и прочностью государственных границ, то сегодня этих категорий оказалось недостаточно. Мир вступил в фазу гибридного противостояния, где открытые военные действия являются лишь одной из возможных форм конфликта. Значительно более распространенными стали методы, направленные на подрыв стабильности государства изнутри: информационные кампании, кибератаки, экономическое давление, манипуляция общественным сознанием и систематическое искажение исторической памяти. Эти угрозы действуют в правовом, информационном и социокультурном поле, размывая границы между войной и миром, внешним и внутренним. В таких условиях классическая парадигма безопасности, опирающаяся в основном на силовые институты, обнаруживает свою уязвимость.

В центре переосмысления оказывается вопрос о роли общества и индивидуального правосознания в деле защиты национального суверенитета. Суверенитет, понимаемый как верховенство и независимость государственной власти, сегодня подвергается атакам не через танковые клинья, а через алгоритмы социальных сетей, дискредитацию правовых институтов и культивирование в массовом сознании правового нигилизма. Государство не может эффективно противостоять рассеянными гибридным угрозам в одиночку. Его обороноспособность становится производной от уровня консолидации, гражданской зрелости и правовой культуры общества. Способность гражданина отличить достоверную информацию от фейка, понимание основ конституционного строя, уважение к закону, готовность лично участвовать в защите национальных интересов — все это превращается в конкретные, стратегически значимые ресурсы национальной обороны. Таким образом, обороноспособность XXI века немыслима без прочного фундамента общественного правосознания.

Однако здесь возникает ключевое противоречие. С одной стороны, нормативно-правовая база безопасности декларирует комплексный подход и важность единства общества. С другой — практические механизмы формирования требуемого от общества правосознания зачастую отстают от динамики вызовов. Правовое воспитание, традиционно рассматриваемое в педагогическом ключе, не осмыслено в полной мере как инструмент стратегической безопасности. Его методы не всегда адекватны цифровой реальности и психологии современных информационных войн. В результате возникает опасный разрыв: государство создает правовые нормы для защиты от гибридных угроз, но общество в массе своей остается пассивным. Низкий уровень правовой культуры превращается из социальной проблемы в фактор стратегического риска, ослабляющий всю конструкцию национальной безопасности.

Несмотря на значительный массив научных трудов, посвященных отдельно теории государства и права, проблемам правового воспитания и вопросам информационной безопасности, комплексный анализ, связывающий эти три области в контексте гибридных угроз, представлен недостаточно. Существует очевидная научная лакуна, требующая заполнения: необходимо исследование, которое бы выявило конкретные механизмы, позволяющие трансформировать правовое воспитание из общеобразовательной задачи в действенный фактор укрепления обороноспособности.

Целью данного исследования является выявление теоретико-правовых основ и разработка научно-практических рекомендаций по совершенствованию системы правового воспитания как ключевого элемента обеспечения обороноспособности Российской Федерации в условиях современных гибридных вызовов.

Для достижения поставленной цели в работе последовательно решается ряд взаимосвязанных задач:

1. Провести анализ спектра современных гибридных угроз национальной безопасности через призму категорий теории государства и права, в первую очередь суверенитета.

2. Исследовать понятие и функции правового воспитания, сформулировать концепт «суверенного правосознания» как его целевой ориентации и осуществить критический анализ текущего состояния соответствующих практик.

3. На основе проведенного анализа разработать комплекс направлений и конкретных мер по совершенствованию нормативного, организационного и содержательного обеспечения системы правового воспитания.

Объектом исследования выступает комплекс общественных отношений, складывающихся в сфере обеспечения обороноспособности государства и целенаправленного формирования правосознания граждан.

Предметом исследования являются теоретические представления и практические механизмы правового воспитания, рассматриваемые в их неразрывной связи с задачами укрепления обороноспособности в контексте противодействия гибридным угрозам.

Методологическую основу работы составляют как всеобщие (диалектический), так и общенаучные (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучные методы познания (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод моделирования).

Научная новизна исследования заключается в синтетическом, междисциплинарном рассмотрении проблемы обороноспособности сквозь призму правовой культуры общества. Конкретная новизна проявляется:

- 1) в обосновании тезиса о том, что в условиях гибридных войн уровень правового воспитания становится системообразующим фактором обороноспособности;
- 2) в разработке понятия «суверенное правосознание»;
- 3) в комплексном критическом аудите существующей системы правового воспитания с точки зрения ее вклада в задачи национальной безопасности.

Практическая значимость работы определяется ее ориентацией на решение конкретной стратегической проблемы. Материалы и выводы исследования могут быть использованы в нормотворческой деятельности, в работе государственных органов, в учебном процессе высших учебных заведений, а также в деятельности институтов гражданского общества и средств массовой информации для формирования более эффективных программ, направленных на повышение правовой культуры и гражданской ответственности.

Структура работы обусловлена логикой последовательного решения поставленных задач и включает введение, три главы, разделенные на параграфы, заключение и список использованных источников.

Глава 1. Современные вызовы обороноспособности и их государственно-правовое измерение

1.1 Суверенитет как основополагающая категория в контексте национальной безопасности: теоретический аспект

Анализ любых вопросов, связанных с обороноспособностью государства, закономерно начинается с осмысления концепции суверенитета, поскольку именно его защита составляет главную цель оборонных усилий. В классической теории государства и права суверенитет традиционно понимался как верховенство государственной власти внутри страны и её независимость во внешних сношениях. Это фундаментальное качество, отличающее государство от других институтов, долгое время представлялось незыблемым атрибутом, своеобразным юридическим абсолютом. Однако стремительная трансформация международной обстановки, появление новых технологий и способов ведения конфликта заставили пересмотреть это, казалось бы, устоявшееся понятие. В современных условиях суверенитет предстаёт не как статичная данность, а как динамическая способность — способность государства самостоятельно, эффективно и устойчиво осуществлять свою власть, защищать национальные интересы и обеспечивать развитие общества перед лицом комплексных вызовов.

Такое переосмысление означает смещение акцента с формального статуса на реальную дееспособность. Речь идёт уже не только о праве государства на исключительное властвование на своей территории, но и о его возможности реализовать это право в условиях противодействия. Суверенитет превращается из факта в процесс, требующий постоянного подтверждения и защиты. В этом контексте обороноспособность перестаёт быть сугубо военно-технической категорией, измеряемой количеством дивизий или ракетных комплексов. Она становится интегральным показателем жизнестойкости политической системы, её умения сохранять и воспроизводить свой суверенитет во всей его полноте. Это включает в себя не только военную мощь, но и экономическую устойчивость, технологическую независимость, демографический потенциал и, что особенно важно в эпоху гибридных войн, духовное единство и правовую культуру общества.

Таким образом, внутреннее измерение суверенитета, связанное с легитимностью власти, гражданской солидарностью и разделяемыми ценностями, выходит на первый план. Государство, чьи граждане не отождествляют себя с его институтами, историей и базовыми правовыми принципами, теряет ключевой внутренний ресурс для сопротивления внешнему давлению. Его формальный суверенитет, закреплённый в законах и признанный на международной арене, может оказаться хрупкой оболочкой, лишённой прочной социальной опоры. Именно поэтому в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации защита суверенитета напрямую увязывается с укреплением гражданского согласия, сохранением традиционных ценностей и обеспечением политической стабильности¹. Это свидетельствует о понимании того, что прочность государства определяется не только силой его армии, но и сплочённостью народа.

Следовательно, теоретическое осмысление суверенитета в контексте безопасности сегодня приводит нас к выводу о его дуалистической и взаимозависимой природе. С одной стороны, существует «суверенитет-щит» — внешний, формально-юридический аспект, обеспечиваемый силовым потенциалом, дипломатией и международно-правовым признанием. С другой — «суверенитет-фундамент» — внутренний, социокультурный аспект, основанный на доверии граждан к государству, чувстве общей исторической судьбы и готовности сообща защищать страну. Вторая составляющая является условием действенности первой. Без прочного внутреннего

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», п. 30, 36.

фундамента любые внешние атрибуты и инструменты суверенитета становятся затратными и малоэффективными в долгосрочной перспективе, особенно против угроз, которые, как гибридные, целенаправленно бьют по этому самому фундаменту.

Этот расширенный взгляд позволяет увидеть в гибридных угрозах не просто набор новых тактик, а стратегию, нацеленную на подрыв суверенитета именно как комплексной дееспособности. Понимание суверенитета как динамической категории, зависящей от прочности связи между государством и обществом, задаёт необходимую теоретическую оптику для последующего детального анализа конкретных вызовов и адекватности правовых механизмов противодействия им.

1.2. Система гибридных угроз: от информационного противоборства и киберугроз до искажения исторической памяти

Современные вызовы национальной безопасности, обозначенные в официальных документах как совокупность военных и невоенных мер гибридного характера², представляют собой не просто набор разрозненных тактик, а целостную стратегию. Её цель — системная эрозия дееспособности государства путём одновременного воздействия на все компоненты его силы. Эти угрозы эксплуатируют саму природу современного открытого общества и цифровой экономики, атакуя не столько физические границы, сколько ключевые узлы социального и политического единства. Их системность и комплексность требуют глубокого анализа, поскольку именно в синергии различных заключается их главная опасность для суверенитета.

Наиболее масштабным по охвату и проникающей способности является уровень информационно-психологического противоборства. В отличие от традиционной пропаганды, стремящейся убедить в чём-либо, современные информационные операции часто нацелены на более глубокий результат: девальвацию самой идеи объективной истины и подрыв доверия к институтам, производящим и верифицирующим знание. Через поток противоречивых нарративов, теорий заговора и эмоционально заряженных фейков создаётся альтернативная, гипертрофированно-конфликтная картина реальности, в которой любые официальные данные априори считаются ложными. Особое место в этом ряду занимает стратегическое искажение исторической памяти. История служит фундаментом коллективной идентичности, источником ценностей и смыслов, скрепляющих общество. Целенаправленная дискредитация ключевых событий и символов национального прошлого, релятивизация подвига и жертв предшествующих поколений размывают нравственные ориентиры и чувство преемственности. В результате общество, лишённое общего героического нарратива, теряет одну из ключевых внутренних опор для мобилизации перед лицом внешней опасности. Как отмечают исследователи, такая «мнемическая агрессия» напрямую атакует культурный суверенитет нации, подрывая её волю к самосохранению³.

Параллельно развивается и технологический фронт гибридных угроз, где доминируют кибернетические атаки и риски, связанные с развитием искусственного интеллекта. Киберпространство представляет собой арену непрерывного необъявленного конфликта. Угрозы здесь варьируются от криминального хищения данных и парализующих критическую инфраструктуру атак до изошённых кампаний по компрометации государственных институтов через утечки информации. Опасность этих вызовов для суверенитета заключается не только в

² Там же, п. 36

³ Петров, М.И. Информационная безопасность и правовое сознание в цифровую эпоху / М.И. Петров // Государство и право. – 2022. – № 8, с. 42–51.

непосредственном материальном или репутационном ущербе, но и в подрыве базовой функции государства — гарантировать безопасность и стабильность условий жизни. Если власть неспособна защитить цифровую среду, в которой функционируют экономика, система управления и частная жизнь граждан, её суверенитет в цифровую эпоху оказывается неполным. Более того, кибернетические средства стали неотъемлемым инструментом усиления информационного воздействия, создавая порочный круг: взлом и утечка данных подрывают доверие, что, в свою очередь, делает общество более восприимчивым к следующим волнам дезинформации.

Наконец, третий и, возможно, наиболее коварный уровень угроз носит производный, внутриобщественный характер. Он заключается не в прямом внешнем вмешательстве, а в тех социальных состояниях и патологиях, которые порождаются успешным гибридным воздействием на двух предыдущих уровнях. Речь идёт, прежде всего, о прогрессирующем правовом нигилизме и политической апатии. Когда в общественном сознании в результате длительной информационной обработки утверждается представление о правовой системе как об инструменте произвола, а о государственных институтах — как о коррумпированных и неэффективных, исчезает мотивация к их защите. Другим опасным производным феноменом становится атомизация общества и утрата солидарности. Гибридные методы целенаправленно культивируют культуру индивидуализма, что делает невозможной консолидацию для отражения внешнего вызова, так как само понятие общего блага размывается.

Таким образом, система гибридных угроз предстаёт как многоуровневый и взаимосвязанный комплекс. Информационно-исторические операции атакуют ценностно-смысловое ядро нации. Киберугрозы испытывают на прочность технологический и управленческий суверенитет государства. А порождаемые этими процессами внутренние социальные болезни — нигилизм, разобщённость, апатия — методично разрушают социальную ткань, превращая общество из активного субъекта безопасности в пассивный и уязвимый объект воздействия. Ключевая особенность этой системы — её синергетический эффект: угрозы разных уровней усиливают друг друга, создавая замкнутые порочные круги. Разорвать их, опираясь исключительно на силовые или технические контрмеры, — невозможно. Этот вывод закономерно ставит вопрос о том, насколько существующая правовая система, призванная быть главным инструментом организации государственной жизни, адекватна для парирования столь тотальных и комплексных вызовов, что и составляет предмет следующего параграфа.

1.3. Правовые пробелы и коллизии в системе обеспечения обороноспособности: анализ нормативно-правовой базы

Проведенный анализ показывает, что современные гибридные угрозы представляют собой целенаправленную атаку на саму дееспособность государства, на его способность сохранять внутреннюю целостность и внешний суверенитет. Эта атака ведется в правовом поле, но использует методы, часто находящиеся на стыке или за гранью традиционных юридических определений. Естественной реакцией государства на подобные вызовы является развитие и совершенствование нормативно-правовой базы, призванной создать легитимные рамки для защиты национальной безопасности. Российская Федерация обладает развитой системой таких актов, ядро которых образуют Конституция РФ, Федеральный закон «О безопасности» и Стратегия национальной безопасности. Однако детальный анализ этой системы в контексте выявленных гибридных угроз позволяет обнаружить ряд системных пробелов и коллизий, которые снижают ее эффективность и, что особенно важно, не способствуют вовлечению общества в активную оборону страны.

Безусловно, базовые документы закладывают верную концептуальную основу. Федеральный закон «О безопасности» определяет безопасность как состояние защищенности личности, общества

и государства от внутренних и внешних угроз, а национальные интересы — как объективно значимые потребности в обеспечении этого состояния⁴. В свою очередь, Стратегия национальной безопасности признает наличие широкого спектра угроз, включая деятельность, направленную на насильственное изменение конституционного строя, подрыв суверенитета, а также информационное и психологическое воздействие. Таким образом, на концептуальном уровне законодатель осознает комплексный характер опасностей. Проблема, однако, заключается в том, что правоприменительная и институциональная практика, выстроенная на основе этих актов, исторически и структурно тяготеет к реагированию на угрозы в их классическом, преимущественно силовом понимании. Основная нагрузка и полномочия сосредоточены в силовых ведомствах, чья деятельность, будучи жизненно необходимой, по своей природе является закрытой и не предполагает массового участия граждан. В результате формируется своеобразный «правовой дисбаланс»: государство через свои специальные органы берет на себя функцию «щита», в то время как правовые механизмы для укрепления и мобилизации «фундамента» — то есть гражданского общества — остаются слабо проработанными.

Этот дисбаланс становится особенно очевидным при анализе регулирования в ключевых для гибридной войны сферах. Возьмем, к примеру, информационную безопасность. Несмотря на наличие ряда важных, правовые средства зачастую носят запоздалый и запретительный характер. Они нацелены на блокировку уже распространяющейся противоправной информации или на ограничение деятельности иностранных медиа⁵. Однако правовые инструменты для опережающего формирования информационной устойчивости личности, для системного правового воспитания, которое делало бы гражданина невосприимчивым к манипуляциям, в законодательстве практически отсутствуют. Закон говорит обществу, чего не следует читать и слушать, но крайне мало делает для того, чтобы объяснить, почему следует доверять отечественным правовым и историческим нарративам, на чем основывается их ценность. Как справедливо отмечают некоторые исследователи, преобладание рестриктивных мер при недостатке созидательных, воспитательных программ может порождать эффект «обратного результата», усиливая недоверие⁶.

Аналогичная ситуация наблюдается и в сфере защиты исторической памяти. Принятие закона, криминализирующего реабилитацию нацизма и осквернение символов воинской славы⁷, безусловно, является важным правовым сигналом. Но сам по себе уголовный запрет, без масштабной сопутствующей работы по глубокому историко-правовому просвещению, рискует остаться лишь карательным инструментом. Он не автоматически формирует у молодого поколения осмысленное, эмоционально окрашенное уважение к подвигу предков и понимание его связи с современными ценностями государственного суверенитета. Правовая норма устанавливает границу дозволенного, но не наполняет внутреннее пространство этой границы позитивным содержанием. Этот пробел между запретом и воспитанием является ключевым.

Таким образом, системная проблема заключается не в отсутствии законов, а в их определенной «однобокости» и разрозненности применительно к новым вызовам. Нормативно-правовая база фрагментирована по отдельным сферам (информация, оборона, образование,

⁴ Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 09.11.2020) «О безопасности», ст. 1.

⁵ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.02.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

⁶ Петров, М.И. Информационная безопасность и правовое сознание в цифровую эпоху / М.И. Петров // Государство и право. – 2022. – № 8. – С. 42–51.

⁷ Федеральный закон от 05.05.2014 № 128-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

культура), а ее координация для решения единой задачи — укрепления обороноспособности через консолидацию общества — остается слабой. Возникают правовые коллизии, когда меры безопасности в одной сфере (например, ограничительные в интернете) могут вступать в противоречие с конституционными принципами свободы информации в другой, если они не сбалансированы продуманной разъяснительной политикой. Государство, по сути, пытается противостоять тотальной гибридной агрессии, используя преимущественно инструменты «жесткой силы» в правовом оформлении, в то время как противник действует на уровне «мягкой силы» и смыслов. Как отмечает А.В. Малько, эффективность права определяется не только силой государственного принуждения, но и уровнем его восприятия обществом, его легитимностью в глазах граждан⁸. Именно этот аспект легитимности, основанной на понимании и внутреннем принятии, часто выпадает из поля зрения правового регулирования безопасности.

Следовательно, можно сделать вывод, что существующая нормативно-правовая система, сосредоточенная на создании барьеров для угроз и полномочиях силовых структур, сама по себе не восполняет критический дефицит субъектности общества в вопросах обороны. Она оставляет без внимания необходимость целенаправленного правового воспитания как технологии формирования того самого «суверенного правосознания», которое является иммунитетом к гибридным воздействиям. Право определяет границы и наказывает за их нарушение, но оно не выполняет в достаточной мере свою воспитательную и интегрирующую функцию. Этот концептуальный разрыв между защитной и созидательной составляющими правового регулирования безопасности создает почву для формального исполнения законов при пассивной или отчужденной позиции граждан. Выявление данного разрыва логично подводит нас к необходимости детального рассмотрения того, что же представляет собой правовое воспитание в современном мире и почему его нынешнее состояние не отвечает императивам национальной безопасности. Это станет предметом анализа следующей главы.

⁸ Малько, А.В. Теория государства и права: учебник / А.В. Малько, А.Ю. Саломатин. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2021, с. 112.

Глава 2. Правовое воспитание в системе обеспечения обороноспособности: теория, практика, дефициты

2.1. Правовое воспитание и правосознание: понятие, структура, функции в современном государстве

Проведённый в первой главе анализ выявил системную уязвимость, лежащую в основе многих современных вызовов обороноспособности: разрыв между государством, создающим правовые механизмы защиты, и обществом, не всегда готовым выступать активным субъектом их реализации. Этот разрыв имеет не организационную, а мировоззренческую природу, коренясь в сфере коллективных представлений о праве, его ценности и связи с личной ответственностью. Преодоление данной уязвимости невозможно без целенаправленного воздействия на эту сферу, что закономерно выводит на первый план категории правосознания и правового воспитания. Если право представляет собой внешнюю, объективированную систему норм, то правосознание является его внутренним, субъективным отражением, тем психологическим и интеллектуальным «фильтром», через который человек воспринимает правовую реальность и определяет свою модель поведения в ней⁹. Именно от качества этого фильтра в конечном итоге зависит, станет ли закон живой, поддерживаемой изнутри нормой жизни или останется формальным, а то и чуждым предписанием.

Правосознание не является монолитным образованием; оно имеет сложную уровневую структуру, каждый элемент которой играет свою роль в контексте национальной безопасности. В традиционном теоретико-правовом понимании выделяют обыденное, профессиональное и научное правосознание. Однако для анализа его оборонной функции более релевантным представляется рассмотрение через призму глубины и рациональности усвоения правовых ценностей. На поверхностном, эмоционально-ситуативном уровне находятся правовые чувства, настроения и простейшие поведенческие стереотипы (например, инстинктивное осуждение кражи или чувство справедливости). Этот уровень крайне подвержен внешнему влиянию, манипуляциям и может колебаться в зависимости от конъюнктуры. Более глубокий слой составляют правовые знания и рациональные представления — понимание основ конституционного строя, системы государственных органов, своих прав и обязанностей. Наконец, ядро зрелого правосознания образуют устойчивые правовые установки, убеждения и ценностные ориентации, интегрированные в личную мировоззренческую систему. Именно на этом уровне формируется внутренняя готовность действовать правомерно не из страха наказания, а из осознанной солидарности с законом как выражением общего блага и гарантией безопасности. С точки зрения обороноспособности, угрозы гибридного характера как раз и стремятся разрушить это ядро, блокируя переход от поверхностных знаний к глубинным убеждениям, оставляя правосознание на уровне легко управляемых эмоций и фрагментарных сведений.

В этой связи правовое воспитание перестаёт быть лишь частью общего образования или просветительской деятельностью. Оно предстаёт как целенаправленный, систематический и организованный процесс формирования того самого зрелого правосознания, способного противостоять деструктивным воздействиям. Его конечной целью является не информирование о нормах, а интериоризация — превращение внешних правовых требований во внутренние мотивы и принципы поведения. В теории государства данный процесс рассматривается как одна из ключевых несиловых функций, обеспечивающих легитимность власти и стабильность правопорядка¹⁰. В

⁹ Петров, М.И. Информационная безопасность и правовое сознание в цифровую эпоху / М.И. Петров // Государство и право. – 2022. – № 8, с. 48.

¹⁰ Малько, А.В. Теория государства и права: учебник / А.В. Малько, А.Ю. Саломатин. – 3-е изд., перераб. И доп. – М.: Норма, 2021, с. 215-220.

контексте же национальной безопасности правовое воспитание приобретает стратегическое измерение, выполняя ряд критически важных функций.

Во-первых, это интегративно-консолидирующая функция. Через усвоение общих правовых ценностей, исторически сложившихся в рамках национальной правовой системы, граждане разных социальных, этнических и возрастных групп ощущают себя частью единого правового сообщества. Они начинают отождествлять себя не только с культурной или языковой, но и с правовой нацией, объединённой общими «правилами игры» и ответственностью за их сохранение. Во-вторых, это защитно-иммунная функция. Системное правовое воспитание формирует у личности интеллектуальный и ценностный «иммунитет» против правового нигилизма и манипулятивных информационных воздействий. Гражданин, понимающий основы конституционного строя и логику права, с большей вероятностью сможет критически оценить псевдоправовые аргументы, используемые для дискредитации государственных институтов или разжигания конфликтов. В-третьих, это мобилизационно-волевая функция. Осознание личной причастности к правопорядку и понимание прямой связи между прочностью этого порядка и безопасностью страны воспитывают готовность к его активной защите в правовых формах — от гражданского контроля до участия в обеспечении общественной безопасности или защите Родины.

Таким образом, правосознание и целенаправленно сформированное правовое воспитание выступают тем самым связующим звеном, которое трансформирует общество из пассивного объекта безопасности в её активного соучастника. Они переводят абстрактный государственный суверенитет в плоскость личной гражданской ответственности за его сохранение. Однако очевидно, что не любое правовое воспитание способно выполнить эту роль в условиях современных вызовов. Оно должно быть адекватным по содержанию, методам и масштабу. Это ставит перед нами следующий ключевой вопрос: каким должно быть целевое состояние правосознания, чтобы оно могло служить надёжным «фундаментом» суверенитета в эпоху гибридных войн? Ответ на него лежит в плоскости концепции суверенного правосознания, которое предстоит рассмотреть в следующем параграфе, предварительно оценив, насколько современные российские практики воспитания соответствуют этому идеалу.

2.2. Суверенное правосознание как цель воспитания: содержание и роль в противодействии деструктивным воздействиям

Понятие правосознания, рассмотренное ранее, задает общую рамку для понимания того, как общество воспринимает право. Однако в контексте задач укрепления обороноспособности в условиях целенаправленных гибридных воздействий возникает необходимость в более конкретном и ориентированном концепте. Им становится «суверенное правосознание» как высший уровень зрелости правовой культуры личности и общества, характеризующийся осознанной, ценностно-укорененной идентификацией с национальной правовой системой как основой безопасности и независимости государства. Если обычное правосознание может быть фрагментарным, пассивным или ситуативным, то суверенное правосознание — это активная, целостная и устойчивая мировоззренческая позиция. Оно формирует у гражданина не просто знание законов, а внутреннюю психолого-правовую устойчивость (иммунитет) к попыткам манипуляции, дискредитации правовых институтов и размывания духовных основ государственности.

Содержание суверенного правосознания складывается из нескольких взаимосвязанных элементов, каждый из которых вносит свой вклад в оборонный потенциал нации. Во-первых, это глубинное понимание и принятие суверенитета как высшей ценности. Речь идет не об абстрактной идее, а об осознании того, что независимость государства, его способность самостоятельно определять свою внутреннюю и внешнюю политику, является неременным условием для

реализации всех других прав и свобод, для сохранения исторической и культурной идентичности. Такой взгляд формирует личную ответственность за сохранение этого качества. Во-вторых, это системное восприятие национальной безопасности как комплексного явления. Носитель суверенного правосознания понимает, что угрозы могут носить не только военный, но и информационный, экономический, культурный характер, и что его собственная правомерная деятельность, гражданская бдительность и ценностный выбор являются частью системы национальной безопасности. В-третьих, это развитая способность к критической правовой оценке информации. В эпоху информационного изобилия и целенаправленных фейков это ключевой навык. Он позволяет отличить конструктивную критику от деструктивной, основанную на фактах правовую дискуссию от пропагандистского воздействия, направленного на подрыв доверия к институтам власти и правосудия. В-четвертых, это активная гражданская позиция, выражающаяся в готовности защищать конституционный строй и территориальную целостность страны законными средствами. Эта готовность проистекает не из страха, а из осознанного чувства долга и солидарности.

Роль суверенного правосознания в противодействии современным деструктивным воздействиям является системообразующей. Оно выступает в качестве главного смыслового и поведенческого фильтра, через который проходят все внешние информационные потоки и внутренние социальные процессы. По отношению к информационно-психологическим атакам оно выполняет защитную функцию. Например, при столкновении с нарративами, искажающими историческую правду о ключевых для государства событиях, человек с развитым суверенным правосознанием будет опираться не на эмоциональные реакции, а на знание историко-правового контекста, официально верифицированные документы и понимание ценности исторической преемственности для современного государственного суверенитета. Это резко снижает эффективность технологий «мнемической агрессии». В сфере кибербезопасности суверенное правосознание проявляется как культура цифровой гигиены и осознание личной ответственности. Понимание того, что неосторожное обращение с персональными данными или распространение непроверенной информации может нанести ущерб национальной безопасности, становится внутренним регулятором поведения, дополняющим внешние правовые запреты.

Важно подчеркнуть, что суверенное правосознание не тождественно бездумному конформизму или некритическому принятию любого действия власти. Напротив, его основой является именно критическая лояльность, основанная на понимании и разделении фундаментальных конституционных принципов. Оно предполагает способность к рациональной дискуссии в правовом поле, стремление к совершенствованию законов и институтов, но при этом — категорическое неприятие методов, направленных на подрыв самих основ государственности. Такой подход превращает общество в активного и ответственного соавтора безопасности, способного не только поддерживать государство в кризис, но и конструктивно влиять на выработку стратегий противодействия угрозам.

Формирование такого качества — сложная, многоплановая задача, выходящая за рамки традиционного правового просвещения. Оно требует целостной воспитательной стратегии, интегрирующей исторический, культурологический, патриотический и собственно правовой компоненты в единую систему. Эта система должна работать на всех уровнях — от семьи и школы до медиапространства и профессиональных сообществ. Однако прежде чем проектировать пути её построения, необходимо с предельной честностью оценить, насколько существующие в Российской Федерации практики и институты правового воспитания соответствуют масштабу данной задачи. Способны ли они в нынешнем виде формировать то самое суверенное правосознание, или же их

потенциал ограничивается передачей формальных знаний? Ответ на этот вопрос требует проведения критического аудита, который и станет предметом следующего параграфа.

2.3. Критический анализ действующих моделей и практик правового воспитания в РФ: институты, содержание, результативность

Формирование суверенного правосознания, выступающего интеллектуальным и ценностным базисом обороноспособности, является сложной, многогранной задачей, требующей целостной и последовательной государственной политики. В Российской Федерации существует система мероприятий и институтов, которые, по замыслу, должны решать задачи правового и патриотического воспитания. К ним относятся образовательные программы в школах и вузах, масштабные государственные программы патриотического воспитания граждан, деятельность общественных организаций и проекты в медиапространстве. Однако между декларируемыми целями и реальной практикой, между институциональным наличием и качественным содержанием зачастую существует заметный разрыв. Критический анализ позволяет выявить системные проблемы, которые препятствуют трансформации этих усилий в эффективный инструмент укрепления национальной безопасности.

Одной из ключевых проблем является формализм и фрагментарность подхода. Правовое воспитание зачастую сводится к формальному выполнению учебных планов, где правовые знания преподаются изолированно, как набор статичных норм, без связи с актуальными общественными процессами и личным опытом гражданина. Как отмечают исследователи, такой подход, сосредоточенный на передаче информации, а не на формировании убеждений, ведет к тому, что правосознание остается на поверхностном, знаниевом уровне, не перерастая в глубокие личностные установки¹¹. Аналогичные сложности наблюдаются и в реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации». Несмотря на масштабность и наличие ресурсов, её деятельность нередко воспринимается как набор обязательных, иногда механически проводимых мероприятий (конкурсов, уроков мужества, торжественных линеек), эффективность которых сложно измерить в качественных показателях сформированности гражданской позиции. Это создает ситуацию, когда система работает «на отчет», а не на глубинный результат.

Другой значимой слабостью является дисбаланс между запретительно-охранительной и созидательно-мировоззренческой составляющими. Как было показано в анализе нормативной базы, государство активно создает правовые барьеры против деструктивного информационного воздействия. Однако параллельная работа по позитивному смыслонаполнению, по созданию привлекательных, актуальных для молодежи нарративов о ценности суверенитета, исторической правды и конституционных принципов, часто отстает или ведется на устаревшем языке. В результате у молодого поколения может формироваться представление о правовой системе и патриотизме как о системе ограничений и навязанных сверху ритуалов, а не как о поле для личной реализации и осмысленной защиты коллективного будущего. Это противоречит самой сути суверенного правосознания, которое должно основываться на внутреннем принятии и осознанном выборе.

Наконец, существует проблема ведомственной и содержательной разобщенности. Воспитательный процесс распылен между Министерством просвещения, Министерством науки и

¹¹ Петров, М.И. Информационная безопасность и правовое сознание в цифровую эпоху / М.И. Петров // Государство и право. – 2022. – № 8, с. 49.

высшего образования, Росмолодежью, силовыми ведомствами, общественными палатами и некоммерческими организациями. Каждый из этих акторов действует в рамках своих компетенций и ведомственных логик, что затрудняет выработку единой методологии и скоординированных действий. Правовое, патриотическое, историческое просвещение существуют как параллельные, слабо связанные между собой треки. Недостаёт сквозной, междисциплинарной концепции, которая бы интегрировала знание о праве, понимание истории, медиаграмотность и основы национальной безопасности в единый мировоззренческий комплекс, адресованный разным возрастным и социальным группам. Отсутствие такой координации снижает синергетический эффект и делает систему уязвимой для более целостных и агрессивных камбулятивных кампаний извне.

Следствием этих системных проблем становится известная пассивность общества и дефицит субъектности, о котором говорилось ранее. Существующие модели воспитания, с их акцентом на формальное усвоение и сверху-вниз трансляцию, не формируют в достаточной мере навыков критического анализа, гражданской инициативы и личной ответственности за состояние правопорядка. В условиях реальной гибридной угрозы гражданин, прошедший через такую систему, может оказаться дезориентирован: он знает формальные нормы, но не обладает сформированным ценностным «иммунитетом» и не осознаёт своей активной роли в системе коллективной безопасности. Таким образом, система правового воспитания в её текущем состоянии воспроизводит тот самый разрыв между государством и обществом, который является главной мишенью гибридных атак.

Проведенный критический анализ не ставит целью отрицать важность и необходимость проводимой работы. Он указывает на то, что существующие практики, будучи в целом направленными в верную сторону, требуют качественной перезагрузки — перехода от логики формального исполнения и разрозненных мероприятий к логике целостного формирования личности гражданина-патриота с суверенным правосознанием. Осознание этого императива закономерно подводит к центральному вопросу практической части исследования: каким конкретным образом должна быть выстроена новая модель правового воспитания, интегрированная в стратегию обеспечения обороноспособности? Ответу на этот вопрос и будут посвящены предложения и рекомендации, изложенные в заключительной главе работы.

Глава 3. Направления совершенствования правового воспитания для укрепления обороноспособности

3.1. Концептуальные основы: интеграция целей оборонного строительства и задач правового воспитания в государственной политике

Выявленные в ходе критического анализа системные проблемы в существующих практиках правового воспитания со всей очевидностью демонстрируют, что их частичная модернизация или увеличение количества мероприятий не принесут необходимого стратегического эффекта. Преодоление разрыва между государственной системой безопасности и уровнем гражданской ответственности требует не эволюции, а качественного переосмысления самой парадигмы воспитательной работы. Речь должна идти о разработке и внедрении новой концептуальной модели, в которой правовое воспитание перестает быть автономной социально-педагогической задачей и становится органичным, неотъемлемым элементом стратегии обеспечения обороноспособности. Такой подход предполагает глубокую интеграцию на уровне целей, содержания, институтов и критериев эффективности, где формирование суверенного правосознания рассматривается как важнейшая ресурсная составляющая национальной силы.

Ключевым связующим звеном в этой интеграции выступает, как было показано ранее, концепция «суверенного правосознания». Именно она должна стать центральным целевым ориентиром, вокруг которого выстраивается вся воспитательная политика государства. Это означает, что результатом работы системы образования, культуры, информации и общественных институтов должен быть не просто «законопослушный гражданин», а гражданин, обладающий активной, осознанной и ценностно мотивированной позицией в вопросах защиты национального суверенитета. В практическом выражении это требует пересмотра содержания воспитания. Если ранее акцент часто делался на изучении структуры государства и текстов законов, то теперь в центр должно быть поставлено понимание взаимосвязи между личной свободой, правопорядком и безопасностью страны. Например, изучение Конституции РФ должно раскрывать её не только как документ, закрепляющий права, но и как «матрицу» государственного суверенитета, нарушение которой ведет к утрате самих основ для реализации этих прав. Историческое просвещение обязано показывать непрерывную связь между жертвами и победами предшествующих поколений и нынешней возможностью самостоятельного политического и правового развития.

Для достижения этой цели необходимо закрепить на самом высоком нормативном уровне принцип, согласно которому правовое воспитание является стратегическим ресурсом национальной безопасности. Такой шаг потребует внесения соответствующих поправок и дополнений в ключевые документы стратегического планирования. Прежде всего, в Стратегию национальной безопасности и производные от неё доктрины следует ввести отдельный раздел или систематизированные положения, посвящённые роли правосознания и воспитания в обеспечении обороноспособности. Это позволит перевести данную сферу из ведомственной плоскости (Министерства просвещения, Росмолодёжи) в общегосударственную, сделав её предметом координации и ответственности Совета Безопасности РФ. Показательно, что действующая редакция Стратегии указывает на необходимость развития «духовно-нравственных и культурных ценностей» и совершенствования системы патриотического воспитания¹², однако не формулирует этого в контексте прямой взаимосвязи с противодействием гибридным угрозам. Конкретизация этой связи стала бы мощным сигналом для всех участников процесса и основой для перераспределения ресурсов.

¹² Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», п. 30, 81.

На основе этого обновлённого стратегического видения должна быть разработана и утверждена целевая комплексная государственная программа, условно именуемая «Формирование суверенного правосознания граждан Российской Федерации». Её главным отличием от действующей программы патриотического воспитания должен стать чёткий межведомственный и междисциплинарный характер¹³. Программа обязана объединить усилия не только традиционных участников воспитательного процесса (образовательные учреждения, молодёжные организации), но и силовых структур (которые могут транслировать практический запрос на воспитание определённых качеств), медиахолдингов (отвечающих за создание современного, привлекательного контента), бизнес-сообщества (в части поддержки социально значимых проектов) и научных институтов (обеспечивающих мониторинг и методологическое сопровождение). Только такой целостный подход позволит создать единое смысловое и информационное поле, в котором идеи суверенитета и личной ответственности будут подкрепляться на всех уровнях — от школьного урока до популярного сериала, от армейской службы до корпоративной культуры.

Таким образом, выстраивание новых концептуальных основ предполагает последовательное движение по трём уровням: от формулирования новой целевой установки (суверенное правосознание) через её нормативное закрепление в документах высшего стратегического уровня до создания специализированного инструмента реализации в виде межведомственной государственной программы. Это создаст необходимый каркас, который позволит преодолеть нынешнюю фрагментарность и формализм, подняв правовое воспитание до статуса важнейшего направления работы по укреплению духовного и, как следствие, оборонного потенциала страны. Однако прочного каркаса недостаточно — для его наполнения жизнью требуется пересмотр конкретных механизмов и инструментов, которые будут непосредственно воздействовать на сознание граждан, особенно молодёжи. Этому вопросу и будет посвящён следующий параграф, посвящённый практическим механизмам реализации новой модели.

3.2. Совершенствование нормативно-правового и организационного обеспечения системы правового воспитания

Концептуальное переосмысление роли правового воспитания, предложенное в предыдущем параграфе, неизбежно требует адекватного отражения в нормативно-правовой базе и организационной структуре. Проведенный ранее анализ законодательства выявил, что действующие нормы фрагментированы и сосредоточены преимущественно на формальной стороне просвещения и на запретительных мерах, что не создает целостных условий для формирования суверенного правосознания. Поэтому следующим шагом должна стать системная работа по приведению правовых и управленческих механизмов в соответствие с новыми стратегическими задачами. Эта работа должна быть направлена на создание устойчивого каркаса, который обеспечит не разовую кампанию, а долгосрочную и последовательную государственную политику в данной сфере.

Первоочередной мерой является внесение целевых изменений в базовые законодательные акты. Прежде всего, требуется дополнить Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»¹⁴ положениями, которые бы прямо закрепили формирование суверенного правосознания в качестве одной из приоритетных задач государственной образовательной политики. Речь идет не о простой замене формулировок, а о внесении в закон принципов, согласно

¹³ Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» на 2021–2025 годы (утверждена постановлением Правительства РФ от 30.12.2020 № 2404).

¹⁴ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 24.02.2024) «Об образовании в Российской Федерации».

которым воспитательная компонента в школе и вузе призвана воспитывать не просто законопослушного, а ответственного гражданина, понимающего личную сопричастность к обеспечению национальной безопасности. Это потребует корректировки статьи 3, определяющей принципы государственной политики в сфере образования, и статьи 12, касающейся образовательных программ. В них необходимо отразить необходимость интеграции знаний о национальной безопасности, основах конституционного строя, механизмах противодействия гибридным угрозам во все уровни образования. Это создаст прочную юридическую основу для обновления федеральных государственных образовательных стандартов и примерных основных образовательных программ, которые сегодня уделяют данному аспекту явно недостаточное внимание.

Параллельно должна быть проведена ревизия и консолидация подзаконных нормативных актов, регулирующих воспитательную деятельность. Множество ведомственных приказов, методических рекомендаций и региональных программ часто дублируют друг друга или, напротив, содержат разнонаправленные установки. Целесообразно разработать и утвердить единый концептуальный документ (например, Национальную доктрину правового и патриотического воспитания), который бы на уровне Правительства РФ установил цели, задачи, принципы, основные направления и механизмы межведомственного взаимодействия в этой области на долгосрочную перспективу. Такой документ стал бы логическим развитием Стратегии национальной безопасности и Стратегии развития воспитания в их прикладном, инструментальном измерении. В нем следует четко разграничить полномочия и зоны ответственности Министерства просвещения, Министерства науки и высшего образования, Министерства обороны, Министерства цифрового развития, Росмолодежи, общественных объединений и средств массовой информации.

Ключевым организационным усовершенствованием должно стать создание постоянно действующего координационного органа при Совете Безопасности РФ или Правительстве РФ. В его задачи входило бы стратегическое планирование, мониторинг реализации государственной программы, оценка эффективности принимаемых мер и выработка оперативных рекомендаций по реагированию на новые вызовы в информационно-идеологической сфере. Такой орган, объединяющий представителей ключевых министерств, силовых структур, ведущих экспертов в области права, педагогики и медиа, позволит преодолеть ведомственную разобщенность и обеспечит согласованность действий. Именно этот орган мог бы курировать разработку и обновление единого информационно-методического портала, который стал бы централизованным ресурсом для педагогов, тренеров, организаторов работы с молодежью. На портале должны размещаться актуальные методические материалы, успешные практики, аналитические обзоры о современных гибридных угрозах и способах их нейтрализации в воспитательной работе, а также интерактивные курсы повышения квалификации.

Кроме того, необходимо внедрить новые критерии оценки эффективности воспитательной работы, уйдя от парадигмы подсчета проведенных мероприятий. Оценка должна стать комплексной и включать как количественные показатели (охват аудитории, вовлеченность в проекты), так и, что гораздо важнее, качественные социологические и психолого-педагогические исследования динамики правосознания. Регулярные мониторинги, проводимые по единой методике, должны отслеживать изменения в уровне правовых знаний, в степени доверия к институтам государства, в готовности к гражданским действиям по защите национальных интересов. Результаты таких исследований должны лечь в основу ежегодного государственного доклада о состоянии правосознания в стране и напрямую влиять на корректировку образовательных и информационных стратегий.

Таким образом, совершенствование нормативного и организационного обеспечения представляет собой комплексную задачу, включающую изменение базовых законов, создание новой системы стратегического управления и внедрение современных инструментов мониторинга. Только такая последовательная работа по построению прочного институционального каркаса позволит перейти от деклараций о важности воспитания к его системной реализации. Однако даже самый совершенный каркас останется пустым, если не будет наполнен живым, актуальным и действенным содержанием, которое найдет отклик в сердцах и умах людей. Разработке конкретных практических механизмов и инструментов, которые оживят эту конструкцию, и будет посвящен заключительный параграф настоящей главы.

3.3. Практические механизмы и инструменты: от образовательных стандартов и медиаполитики до цифровых платформ и гражданско-патриотических проектов

Успех любой стратегии, даже самой продуманной на концептуальном и нормативном уровнях, в конечном счете определяется качеством и эффективностью тех конкретных инструментов, которые переводят её положения в повседневную практику. Поэтому разработка и внедрение современных механизмов правового воспитания, непосредственно воздействующих на различные группы населения, является завершающим и критически важным элементом предлагаемой системы. Эти механизмы должны быть разнообразными, гибкими и актуальными, работать на опережение, а не на исправление последствий, и, главное, говорить с аудиторией на понятном ей языке, формируя не навязанные сверху, а внутренне принятые убеждения. Их можно условно разделить на несколько ключевых направлений, каждое из которых вносит свой уникальный вклад в процесс формирования суверенного правосознания.

Первым и фундаментальным направлением является системное обновление содержания образовательного процесса на всех его ступенях. Внедрение идей суверенного правосознания требует пересмотра не отдельных дисциплин, а создания сквозных межпредметных модулей, интегрированных в программы общего, профессионального и дополнительного образования. В школьном курсе обществознания и права необходимо усилить компонент, связанный с практическим пониманием конституционных основ как гарантии суверенитета и безопасности. История должна преподаваться не как хронология событий, а как процесс становления и защиты российской государственности, где ключевые битвы и реформы рассматриваются через призму сохранения независимости страны. Особое значение имеет модернизация курса «Основы безопасности жизнедеятельности» (ОБЖ), который должен быть трансформирован из урока по гражданской обороне в предмет о комплексной безопасности личности, общества и государства. Его содержание должно включать не только поведение при пожаре или ЧС, но и основы информационной гигиены, критического анализа медиаконтента, распознавания манипулятивных техник и понимания основ национальной безопасности в современном мире¹⁵. На уровне высшей школы обязательными для всех специальностей должны стать курсы или модули по правовым основам государственного суверенитета и противодействия гибридным угрозам.

Второе, не менее важное направление — это формирование целенаправленной и стратегической государственной медиаполитики в сфере воспитания. В условиях, когда основным источником информации и формирования установок для молодежи является цифровая среда, государство не может ограничиваться реактивными мерами по блокировке вредоносного контента.

¹⁵ Петров, М.И. Информационная безопасность и правовое сознание в цифровую эпоху / М.И. Петров // Государство и право. – 2022. – № 8, с. 50.

Ему необходим активный, творческий и масштабный проект по созданию и продвижению собственного созидательного контента. Речь идет о поддержке производства высококачественных документальных и художественных фильмов, сериалов, подкастов, видеоблогов и компьютерных игр, которые в увлекательной и современной форме раскрывают темы гражданского долга, исторической правды, ценности права и личного вклада в общее дело. При этом ключевым принципом должна стать не прямолинейная агитация, а создание привлекательных образов и нарративов, с которыми хочется идентифицироваться. Медиапроекты должны показывать работу правоохранительных органов, судов, дипломатов, учителей, волонтеров не как рутину, а как служение, полное интеллектуальных и нравственных вызовов. Такая «мягкая сила», обращенная внутрь страны, способна эффективно конкурировать с деструктивными нарративами за умы и сердца граждан.

Третье направление связано с максимальным использованием потенциала цифровых технологий и платформенных решений. Внедрение технологий геймификации в образовательный процесс, создание всероссийской онлайн-платформы с интерактивными курсами по правовой и исторической грамотности, проведение массовых онлайн-квизов и стратегических игр, моделирующих ситуации гибридных угроз, — все это может резко повысить вовлеченность, особенно молодой аудитории. Цифровая среда также открывает возможности для создания сетевых сообществ — например, клубов молодых юристов, историков-аналитиков, кибердружинников, — где под руководством наставников молодые люди могли бы на практике применять свои знания, анализировать текущие события, разрабатывать социальные проекты. Важным инструментом является развитие гражданской науки, когда граждане под кураторством экспертов участвуют в сборе и анализе данных, связанных с исторической памятью (например, оцифровка семейных архивов), правоприменением или экологическими угрозами, тем самым на практике ощущая свою роль в решении общегосударственных задач.

Наконец, четвертое направление — это развитие и всемерная поддержка практико-ориентированных гражданско-патриотических проектов, которые переводят знания и установки в плоскость реального действия. К ним относятся: развитие системы школьного и студенческого самоуправления с реальными полномочиями; расширение практики моделирования государственных процессов (например, молодежные парламенты, модели ООН или Совета Безопасности); поддержка добровольческих (волонтерских) движений в социальной сфере, культуре, поисковой работе, помощи ветеранам и участникам СВО; создание условий для прохождения молодежью начальной военной подготовки на современной материально-технической базе и в тесной связи с изучением правовых основ военной службы и защиты Отечества.

Таким образом, реализация предложенных практических механизмов — от глубокого реформирования образовательных программ до запуска масштабных медиа- и цифровых проектов — призвана создать вокруг гражданина, особенно молодого, целостную воспитывающую среду. Эта среда будет не поучать, а вовлекать; не запрещать, а объяснять и предлагать осмысленные альтернативы; не изолировать от глобальных вызовов, а готовить к критическому восприятию и активному противодействию им на основе прочного правового и ценностного фундамента. Синергия образовательных, медийных, цифровых и проектных инструментов способна превратить суверенное правосознание из теоретической конструкции в повседневную практику миллионов граждан, что в итоге и составит главный, не силовой, ресурс обороноспособности страны в XXI веке.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило исходную гипотезу о том, что в условиях гибридных войн уровень правовой культуры и гражданской солидарности становится не менее важным фактором обороноспособности, чем традиционная военная мощь. Комплексный анализ позволил не только диагностировать проблему, но и предложить конкретные пути ее решения через коренную модернизацию системы правового воспитания.

Как показало исследование, современные вызовы носят тотальный характер, атакуя одновременно и внешние атрибуты государственного суверенитета, и его внутреннюю, ценностно-мировоззренческую основу. Информационное противоборство, киберугрозы, кампании по искажению исторической памяти направлены на подрыв легитимности власти, размывание коллективной идентичности и формирование правового нигилизма. Существующая нормативно-правовая база, сосредоточенная преимущественно на запретительных мерах, сама по себе не способна сформировать у граждан внутренний «иммунитет» к этим воздействиям. Ключевая уязвимость заключается в дефиците суверенного правосознания — того качественного состояния общественного сознания, при котором ценности независимости, законности и личной ответственности за безопасность страны становятся глубоко личными убеждениями.

Центральным выводом работы является необходимость перехода от понимания правового воспитания как части общего образования к его осмыслению в качестве стратегического ресурса национальной безопасности. Это требует концептуального пересмотра подходов на всех уровнях. Целью государственной политики должно стать формирование суверенного правосознания, интегрирующего правовые знания, патриотические чувства, историческую память и критическое мышление в целостную гражданскую позицию. Для достижения этой цели предложена трехуровневая система мер, составляющая практическую значимость данного исследования.

На концептуально-стратегическом уровне предложено закрепить роль правового воспитания как элемента оборонного строительства в Стратегии национальной безопасности и специальной Национальной доктрине. На нормативно-организационном уровне рекомендовано внести изменения в Федеральный закон «Об образовании», закрепив формирование суверенного правосознания в качестве приоритетной задачи, а также создать координационный орган при Совете Безопасности. На практико-технологическом уровне предложения включают обновление содержания образования через введение межпредметных модулей о национальной безопасности, трансформацию курса ОБЖ, активную государственную медиapolитику по созданию современного контента, использование цифровых платформ и поддержку практико-ориентированных проектов.

В совокупности эти меры направлены на создание целостной воспитывающей среды, окружающей человека на всех этапах социализации. Ожидаемый результат — превращение общества из объекта защиты в активного соучастника обеспечения безопасности. Это и составляет подлинный, не силовой ресурс обороноспособности в XXI веке.

Научная новизна работы заключается в синтетическом подходе, связавшем проблемы теории государства, национальной безопасности и педагогики, а также в разработке концепта «суверенного правосознания». Практическая ценность: выводы и рекомендации могут быть использованы в нормотворческой деятельности, в работе органов государственной власти, в образовательном процессе и в деятельности институтов общества.

Перспективы дальнейших исследований видятся в детальной проработке отдельных предложенных инструментов, а также в сравнительном анализе национальных моделей воспитания в контексте обеспечения безопасности в других странах. Защита национального суверенитета сегодня — это битва за умы и сердца граждан, и выиграть её можно только предложив обществу

осмысленную, ценностно-наполненную повестку, основу которой должно составлять обновленное правовое воспитание.

Список использованных источников

Нормативные правовые акты и официальные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.04.2024).
2. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. От 09.11.2020) «О безопасности» // Собрание законодательства РФ. – 03.01.2011. – № 1. – Ст. 2.
3. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 05.07.2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. От 24.02.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. – 31.07.2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3448.
5. Федеральный закон от 05.05.2014 № 128-ФЗ (ред. От 14.07.2022) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 12.05.2014. – № 19. – Ст. 2302.
6. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. От 24.02.2024) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 31.12.2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.
7. Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ (ред. От 24.02.2024) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» // Собрание законодательства РФ. – 14.08.1995. – № 33. – Ст. 3334.
8. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» на 2021–2025 годы (утверждена постановлением Правительства РФ от 30.12.2020 № 2404) // Собрание законодательства РФ. – 11.01.2021. – № 2 (часть III). – Ст. 390.
9. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р) // Собрание законодательства РФ. – 08.06.2015. – № 23. – Ст. 3338.

Научная и учебная литература

10. Иванова, С.Ю. Правовое воспитание в современной России: проблемы эффективности / С.Ю. Иванова // Право и образование. – 2021. – № 5. – С. 34–42.
11. Лазарев, В.В. Суверенитет правосознания в глобализирующемся мире / В.В. Лазарев // Журнал российского права. – 2020. – № 5. – С. 15–28.
12. Малько, А.В. Теория государства и права: учебник / А.В. Малько, А.Ю. Саломатин. – 3-е изд., перераб. И доп. – М.: Норма, 2021. – 448 с.
13. Матузов, Н.И. Правосознание и правовая культура / Н.И. Матузов // Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – 3-е изд., перераб. И доп. – М.: Юристъ, 2018. – С. 305–322.
14. Петров, М.И. Информационная безопасность и правовое сознание в цифровую эпоху / М.И. Петров // Государство и право. – 2022. – № 8. – С. 42–51.

Проектные и аналитические материалы

15. Концепция развития технологий геймификации в сфере образования и патриотического воспитания (проект). – М.: Минпросвещения России, 2023. – 65 с.